chuk, S.A. Noricyna. Volgograd: Volgogr. nauch. izd-vo, 2012.

6. Kirilova I.M. Stanovlenie i razvitie vysshego obrazovanija v Kalmykii (1920–2005 gg.). Jelista: OAO APP «Dzhangar», 2005.

7. Materialy o nachale raboty Stalingradskogo pedagogicheskogo instituta // Arhiv muzeja istorii VGSPU. F. A1. Op. 1. D. 1.

8. Na puti stanovlenija, v nogu s jepohoj (1924–1940) // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. Special'nyj vypusk (k 90-letiju JaGPU). 1998. № 4. S. 28–40.

9. Nizhnee Povolzh'e. Social'no-jekonomicheskaja spravochnaja kniga. Stalingrad. 1934.

10. O meroprijatijah po Stalingradskomu pedinstitutu: protokol zasedanija bjuro Stalingradskogo gorkoma VKP(b) // CDNIVO. F. 71. Op. 1. D. 165.

11. O nagruzkah VUZov: postanovlenie bjuro Stalingradskogo krajkoma VKP(b): protokol № 195 ot 23 fevr. 1936 g. // Centr dokumentacii novejshej istorii Volgogradskoj oblasti (CDNIVO). F. 113. Op. 1. D. 42.

12. O nagruzkah Stalingradskogo pedagogicheskogo instituta // Arhiv muzeja istorii VGSPU. F. A1. Op. 1. D. 14.

13. O nachale raboty pedinstituta: protokol zasedanija bjuro Stalingradskogo gorkoma VKP(b) № 69,71 ot 18 ijulja 1931 g. // CDNIVO. F. 71. Op. 1. D. 57b.

14. O podgotovke prepodavatelej v pedvuzah i pedtehnikumah i perepodgotovke uchitelej: postanovlenie CIK KPSS SSSR ot 8 marta 1929 g. // Narodnoe obrazovanie v SSSR. Sb.dokumentov (1917–1973 gg.). M.: Pedagogika, 1974.

15. O seti i kontingentah priema v professional'no-tehnicheskie uchebnye uchrezhdenija v 1931 godu i o sostojanii podgotovki kadrov specialistov: postanovlenie Soveta Narodnyh Komissarov № 588 ot 22 maja 1931 g. // GARF. F. A 259. Op. 24. D. 5.

16. O strukture federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti: Ukaz Prezidenta RF ot 15 maja 2018 g. // Prezident Rossii: [sajt]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/57475 (data obrashhenija: 18.05.2018).

17. Otchet o rabote Saratovskogo pedagogicheskogo instituta za 1936–1937 uchebnyj god // Gosudarstvennyj arhiv Saratovskoj oblasti. F. R 255. Op. 1. D. 9.

18. Perepiska NKP RSFSR ob organizacii Astrahanskogo pedagogicheskogo instituta i rabfaka // Gosudarstvennyj arhiv Astrahanskoj oblasti (GAAO). F. R 2364. Op. 1. D. 1.

19. Perepiska s Narkomprosom RSFSR ob otkrytii kursov po podgotovke v pedinstitut // GAAO. F. R 2364. Op. 1. D. 51.

20. Perepiska s Narkomprosom RSFSR po uchebnoj chasti Astrahanskogo pedinstituta // GAAO. F. R 2364. Op. 1. D. 15.

21. Plany i otchety po uchebnoj chasti Astrahanskogo pedinstituta // GAAO. F. R 2364. Op. 1. D. 22.

Features of the establishment of teacher training universities in the Lower Volga region in the 1930s

The article deals with the establishment of pedagogical universities of the Lower Volga region in the 1930s. The author analyzes the features of the organization of institute work, highlights the characteristic features of their development, traces the impact of the state educational policy on the reform of the system of management of teacher training universities.

Key words: *state educational policy, teacher training institutes, higher education, staff training, Lower Volga region.*

(Статья поступила в редакцию 25.07.2018)

А.О. ТЮРИН
(Астрахань)

КОНТРОЛЬ НАД ПОЛИТИЧЕСКИМИ НАСТРОЕНИЯМИ ВОЕННОПЛЕННЫХ (на материалах лагеря № 204 для военнопленных при УМВД по Астраханской области)

На основе отчетов, оперативных донесений и переписки, хранящихся в архивах, проводится анализ политических настроений военнопленных. Рассмотрено, как посредством агентурной работы и цензуры корреспонденции осуществлялся контроль над политическими настроениями военнопленных.

Ключевые слова: *Вторая мировая война, лагерь военнопленных, политический контроль, агентурная работа, цензура корреспонденции.*

Лагерь для военнопленных № 204 при УМВД по Астраханской области существовал с 1944 по 1949 г. На протяжении всего этого времени осуществлялась работа по охране, медицинскому обслуживанию и материально-бытовому обеспечению военнопленных, а также их трудовому использованию. Подавляющее большинство военнопленных понимали, а часто и ощущали, что отношение к ним сотрудников лагеря и местного населения будет в основном негативное – как к врагу, с ко-

© Тюрин А.О., 2018

торым недавно воевали. Среди самих военнопленных были те, кто не смирился с поражением, затаил обиду или жаждал мести. Другие старались приспособиться и надеялись поскорее вернуться домой, но были и те, кто в той катастрофе, которая произошла в мире, обвиняли Гитлера и нацизм. Из последних часто создавался антифашистский актив лагеря, а со всеми остальными военнопленными проводились мероприятия идеологического и пропагандистского характера: лекции, беседы, работа кружков, чтение газет и журналов, издание стенгазет и т. п.

Подобные мероприятия объясняли военнопленным всю преступность нацистского режима, за который они воевали, а также должны были формировать в нужном идеологическом русле их политическое сознание. Руководство лагеря понимало, что быстро из вчерашних врагов не сделаешь союзников и активных сторонников построения коммунизма в послевоенной Германии, поэтому осуществляло контроль за политическими настроениями военнопленных посредством цензуры их корреспонденции и работы с агентурой. Кроме мониторинга политических настроений, подобная работа проводилась для выявления нацистских преступников или реваншистских групп среди военнопленных в рамках осуществления оперативной работы.

Основания для озабоченности у оперативных сотрудников лагеря были. В кратком отчетном докладе «О работе Управления МВД по Астраханской области за 2-й квартал 1946 г.» говорилось, что, «согласно агентурным данным, ряд военнопленных негативно отзывается о существующем положении. Военнопленный капитан медицинской службы Людвиг Фридрих высказался: “Все, что приходиться видеть в России, не увидишь ни в одной стране. Здесь все рабочие – бесправные рабы”. Военнопленный ефрейтор Ф. Шеррер говорил: “Я не могу быть антифашистом, т. к. знаю, что 80% русских сами не довольны правительством Сталина и ждут, когда кончится это рабство”. Военнопленный Тиссен Ульрих сказал: «Кладбища в г. Астрахани вскоре все будут заполнены нашими товарищами, умершими от нищеты и голода. Но мы и весь мир знает, где находятся эти могилы. Они хотят теперь нас отправлять домой, потому что мы больные и от нас мало толку”» [2. Л. 59–60]. Военнопленные, допускавшие подобные высказывания и рассуждения, брались под пристальное наблюдение оперативным отделением лагеря.

Большой резонанс среди военнопленных вызвала Международная конференция министров иностранных дел, которая состоялась в Москве в 1947 г. Оперативным подразделениям лагерей военнопленных было дано указание собрать информацию о политических настроениях в связи с этим событием.

В докладной записке от 8 марта 1947 г. «О реагировании военнопленных лагеря № 204 в связи с предстоящей конференцией министров иностранных дел в Москве» говорилось следующее: «Подавляющее число военнопленных бывшей германской армии из газет осведомлено о предстоящей конференции министров иностранных дел в Москве… Есть реакционно настроенные военнопленные, которые предсказывают провал конференции. Например, лейтенант А. Айхенберг в большом кругу военнопленных говорил, что “конференция министров продлится очень долго. Придется разрешать много вопросов. Франция будет добиваться Рурской и Саарской областей, потому что Россия захватила Восточную Пруссию. Конференция покажет, кто именно добивается разделения Германии”. Военнопленный Э. Лефлер: “На конференции министров образуется две партии – советская и антисоветская из западных держав. Обе они будут вести жестокую борьбу между собой”» [1. Л. 41].

Агентурные данные свидетельствовали и о более негативных и даже агрессивных настроениях среди некоторых военнопленных: «многие из них убеждены, что конференция не будет иметь успеха из-за разногласий между великими державами, и что многие вопросы будут разрешены только путем войны» [Там же. Л. 45]. Военнопленный И. Комнин высказался: «Ничего хорошего от этой конференции нам ожидать не приходится. Германию может спасти только война Англии и Америки против России. Жаль, что я здесь и не смогу принять участие в этой войне». Военнопленный И. Мюллер сказал: «На конференции американцы и англичане никогда не будут единого мнения с русскими, а результатом всех переговоров будет только война» [Там же]. Военнопленный Монарут заявил: «Если границы Германии на востоке будут утверждены на конференции, то никакого мира в будущем нельзя ожидать. Я первый возьму винтовку в руки, чтобы изменить эти границы. Русские называют нас империалистами, а сами без всяких оснований захватили Восточную Пруссию» [Там же. Л. 44]. Военнопленный Цвирский предположил: «Западные государства на конференции будут оспаривать роль России в победе над Германией. Большой спор будет о разоружении Германии и ее границах, т. к. Польша будет опять требовать присоединить к ней Верхнюю Силезию» [Там же. Л. 42].

В докладной записке отмечалось, что отдельные военнопленные высказывали угрозы в адрес антифашистов, проводивших разъяснительную работу, связанную с конференцией министров. Так, военнопленный Х. Кусперт говорил: «Антифашисты хотят нам доказать, что новые границы Германии правильные. Здесь они конечно по указке русских широко раскрывают рот, но только бы нам попасть домой, а там мы с ними быстро расправимся». Военнопленный М. Осбен угрожал конкретному лицу: «Антифашист Розен пусть не показывается теперь в Мюнхен-Глатбах, иначе мы ему там быстро свернем башку…» [1. Л. 46].

Все же в резюме докладной записки отмечалось, что «… остальные отмеченный цензурой высказывания военнопленных сводятся к надеждам на то, что конференция министров разрешит вопрос об освобождении их из плена. Например, военнопленный В. Отто высказался: «Так или иначе, но конференция министров должна будет разрешить вопрос об освобождении военнопленных. Держать нас здесь больше нельзя, так как западные государства потребуют нашего освобождения» [Там же. Л. 42].

В общем, среди военнопленных было достаточное количество имеющих вполне достоверное представление о сложившейся международной обстановке и отношениях между державами-победительницами. При этом обсуждение этой конференции выявило несколько актуальных аспектов для военнопленных: их в первую очередь интересовала собственная судьба – возвращение на родину, и многих не оставлял равнодушным вопрос государственного и территориального устройства (т. е. в какой стране им жить после возвращения). Для оперативной работы положительным достижением было выявление дополнительного количества военнопленных, крайне негативно и агрессивно настроенных по отношению к Советскому Союзу и являющихся потенциально опасными.

Кроме информации, полученной от агентов, надзорные службы лагеря строго следили за содержанием корреспонденции военнопленных и периодически составляли отчеты об их переписке для вышестоящего руководства. Просматривалась вся как входящая, так и исходящая корреспонденция, и некоторые письма по соображениям безопасности или «носящие отрицательный характер» изымались. В одном из отчетов за март 1947 г. говорилось следующее: «Количество поступивших писем – 13 579 штук, из них проверено цензурой – 13 414 штук, конфисковано – 159 штук. Количество писем, отправленных в разные страны: всего – 5 458 штук, проверено цензурой – 5 372 штуки, конфисковано – 86 писем» [1. Л. 58]. Можно заметить, что цезура не могла полностью проконтролировать всю корреспонденцию. Все же проверке подвергался достаточно большой объем писем, но конфисковалось из них небольшое количество.

Нередко все письма пропускались цензурой. В докладной записке «О состоянии переписки военнопленных спецгоспиталя № 5761 с их родственниками» говорилось: «За время с 01.12.1946 г. по 05.02.1947 г. отправлено на родину 754 письма, конфискованных нет» [Там же. Л. 21]. В следующем отчете также отмечалось, что «за время с 05.02 по 05.04.1947 г. было отправлено на родину 569 писем, из коих конфискованных цензурой нет» [Там же. Л. 59].

Часто право дополнительно получить весточку от родных и близких с родины использовалось как поощрение за лояльность военнопленных. За тот же период (с 5 февраля по 5 апреля 1947 г.) по спецгоспиталю № 5761 «члены хозяйственной команды в количестве 28 человек получили по одной открытке сверх нормы в качестве поощрения» [Там же. Л. 59].

Кроме получения дополнительной информации о жизни родственников, военнопленным также в качестве поощрения разрешали посылать на родину фотографии или публиковать поздравления от собственного имени в немецких газетах. Из письма военнопленному Х. Аменту: «Мы получили твою фотокарточку. Описать нашу радость я не в состоянии. Неужели это ты! Твоя фотография переходит теперь из рук в руки, и все удивляются. Теперь мы верим, что ты здоров». Из письма военнопленному Л. Штаницу: «В газете “НойесЭстеранх” мы читали твое поздравление с Новым годом. Это нас очень обрадовало. Многие знакомые, которые тоже читали поздравление, потом писали нам об этом» [Там же. Л. 68–69].

В большинстве исходящей корреспонденции военнопленные, возможно, зная о цензуре или из родственных побуждений, старались в письмах не упоминать негативных моментов своего существования и не высказываться отрицательно в адрес администрации лагеря и в целом по отношению к советскому государству. Примером содержания таких писем может служить текст военнопленного Ф. Нюста, адресованного своей жене: «В настоящий момент нахожусь в лазарете на излечении. Врачебный надзор и уход со стороны русских хороший. Надеюсь, что в скором времени уви-

димся», или текст из письма военнопленного А. Бадура: «Рад, что вы проживаете в советской зоне и живете хорошо. Обо мне не беспокойтесь, я жив и здоров» [1. Л. 20–21].

Особый интерес у цензоров вызывала входящая корреспонденция, т. к., прочитав информацию о состоянии дел на родине после окончания войны, военнопленные делились ею друг с другом, высказывали свое мнение. Во-первых, у военнопленных формировалась определенная картина послевоенной повседневности, а во-вторых, в ходе этих разговоров при помощи агентов можно было дополнительно собрать информацию об их политических настроениях. Поэтому для надзорных органов было крайне важно знать информацию о жизни в послевоенной Германии, которую получали военнопленные.

При рассмотрении отчетов, в которых анализировалась входящая корреспонденция военнопленных, прослеживается следующая закономерность: письма, приходящие из советской зоны оккупации, чаще всего описывали положительные стороны повседневной жизни, а письма, присылаемые из зоны оккупации стран-союзниц (американская, английская и французская зоны), – отрицательные. Из письма военнопленному К. Сикнеру: «Русские заботятся о нашем снабжении. Пенсию на детей я получаю регулярно. Здесь нет безработицы». Из письма военнопленному Ф. Энгельбрахтеру: «На прошлой неделе я приехал домой после двухнедельного пребывания у наших родственников в г. Дрезден. Они там, в советской зоне, живут намного лучше, чем мы. Все они там работают» [Там же. Л. 65, 67].

Письма, приходившие из оккупационных зон стран-союзниц, следующим образом описывали повседневную жизнь немцев. Из письма военнопленному В. Древау: «Прошло полтора года после окончания войны, а хозяйство вместо того, чтобы улучшиться, намного ухудшилось. Народ голодает и зябнет» [Там же. Л. 62]. Из письма военнопленному М. Грулеру: «Мы получаем следующие нормы: 150 гр. хлеба в сутки, 200 гр. сыра и 125 гр. масла в месяц, крупа выдается только для маленьких детей» [Там же. Л. 65]. Из письма военнопленному Б. Игельмайеру: «Газеты совершенно переполнены сообщениями о взломе квартир и уличных грабежах. Образовались целые банды, которые имеют оружие. Бандиты появляются в форме французских солдат. Купить за деньги ничего нельзя, можно только обменять» [Там же. Л. 65]. В письме военнопленному Г. Штенцелю его родственник также жаловался, что в Лейсте «…много поляков, они нигде не работают, а занимаются только бандитизмом, воровством и убийством» [1. Л. 63].

В некоторых письмах, получаемых из оккупационных зон стран-союзниц, отправители сетовали на намеренное формирование негативного образа Советского Союза в сознании немцев. В одном из писем, адресованных военнопленному П. Фарберу, говорилось: «Нас здесь направляют против СССР, доказывают, что во всех бедах виновата Россия» [Там же. Л. 60]. Из письма военнопленному Х. Хафеману: «…С русскими я очень хорошо уживался, они хорошие люди. К сожалению, здесь в английской зоне продолжают много клеветать на Россию» [Там же. Л. 68]. Сестра военнопленного Миттельдора жаловалась на то, что «писать письмо в русский плен не разрешают, это письмо пишу скрытно, надеюсь, что ты его получишь» [Там же. Л. 66].

Определенное количество корреспонденции военнопленные получали от родственников, которых переселили из Силезии. В большинстве своем эти письма переполнены негодованием по поводу незавидной участи. Из письма военнопленному Х. Хафеману: «Меня переселили из Силезии. Поляки у меня забрали все и с винтовками выгнали меня с родины…». Из письма военнопленному З. Нидер: «Мы Силезию не отдадим. Рано или поздно придет время, когда мы обязательно туда вернемся. Мы уже знаем, что предстоит борьба за Силезию». Из письма военнопленному А. Резе: «Мы переселены из Силезии в английскую зону, но мы даже не думаем устраиваться здесь окончательно, так как рано или поздно должны будем вернуться обратно». Из письма военнопленному В. Визенмайеру: «У нас в Бреслау остались закопанными в подвале несколько чемоданов с вещами, я никому об этом не сообщаю, т. к. известно, что мы скоро вернемся в Силезию». В этой докладной записке отмечалось, что «письма аналогичного характера исходят от многих родственников военнопленных, которых выселили из Венгрии, Польши и Чехословакии» [Там же. Л. 68–69].

Доходила ли подобная корреспонденция до адресатов или перехватывалась цензурой, неизвестно. Однако можно предположить, что если военнопленные и получали подобные письма, то оперативные сотрудники лагеря (адресат писем был известен) следили за их высказываниями и поведением, и если реакция была негативной и тем более агрессивной, то такие военнопленные брались под более пристальный контроль.

Агентурная информация о разговорах среди военнопленных и цензура их переписки, осуществляемые в рамках контроля политических настроений, постепенно приносили свои плоды. В лагерном отделении № 2 была установлена организованная группировка военнопленных в составе Г. Арнольда, К. Мюллера, Р. Кунце, В. Гольника, которая занималась среди военнопленных популяризацией идеи восстановления фашистской Германии с помощью Англии и США и дискредитировала советский государственный строй. Арнольд рассказывал военнопленным о значении организации «Вервольф» в борьбе немцев против их врагов, а Мюллер ратовал за возобновление деятельности НСДАП, за реванш в будущей войне против СССР [3, с. 77–78].

Постепенно состав организации расширялся. Среди активных участников выделялись еще несколько офицеров: Вайзенман, Квак, Эйтель, Вонтар, Лауден. Тот же лейтенант Квак говорил другим военнопленным: «Германия не может существовать без Силезии и других провинций, и если положение не изменится, то ни о каком длительном мире союзники не могут мечтать» [1. Л. 45]. Или же Кунце при разговоре стращал военнопленных: «Русские, вопреки всем существующим международным законам, будут долго держать нас здесь, даже после заключения мира с Германией. Русским известно, что никто из нас не вернется на родину другом Советского Союза» [Там же].

В итоге участники группы от пропаганды нацистских идей перешли к разработке конкретных планов боевых действий. В деятельности группы проявилось стремление вклиниться в антифашистские круги военнопленных с целью подрывной работы. Активный участник группы Кунце обратился к функционеру антифашистской работы Клеешульту с просьбой помочь ему поступить в антифашистский актив, называя себя «приверженцем социализма и единства немецкой нации». В конце 1947 г. разработка указанной группы была завершена, все участники арестованы и предстали перед военным трибуналом [3, с. 77–78].

Кроме этой была выявлена и другая группа – «Офицерский союз». Ее члены добивались своей работой среди военнопленных следующего: а) дискредитации советской государственной системы; б) дискредитации антифашистов и их работы среди военнопленных; в) внедрения в среду военнопленных веры в восстановление фашисткой Германии при помощи Англии и США [Там же].

В общем, в деле выявления нацистских преступников и реваншистских групп, а также для мониторинга политических настроений среди военнопленных агентурные данные занимали наиважнейшее место для оперативных служб. Цензура корреспонденции как в деле контроля политических настроений, так и опосредовано способствовала формированию в сознании положительного образа советского государства. Можно констатировать, что письма, получаемые из советской зоны оккупации, в большинстве своем словами родственников описывали сносное повседневное существование и иллюстрировали примеры налаживания мирного существования, а сами отправители положительно отзывались о своей жизни в советской оккупационной зоне. Тогда как письма из зон оккупации стран-союзниц в основном «отражали мрачную картину жизни и быта простых людей» [1. Л. 61–62]. Стоит отметить еще одну важную функцию переписки – диалог с родными и близкими психологически поддерживал военнопленных в трудные минуты и зарождал определенную надежду на положительный исход выпавших на их долю испытаний – возвращение на родину. Это, в свою очередь, отчасти повлияло на поведение военнопленных – большинство из них, несмотря на негативный моральный фон, не принимали участие в реваншистских организациях и старались сохранить лояльность администрации лагеря.

Список литературы

1. Архив Информационного центра Управления МВД России по Астраханской области (АИЦ УМВД АО). Ф. 21. Оп. 2. Д. 13.

2. АИЦ УМВД АО. Ф. 58. Оп. 1. Д. 1.

3. Федин С.А. Оперативно-чекистская работа в лагерях военнопленных: выявление нацистских преступников (по материалам астраханских архивов) // Трагедия плена в мировых войнах: политико-правовые, социально-экономические, культурно-коммуникационные аспекты (на материалах Астраханского региона): сб. ст. и документов. Астрахань, 2015. Ч. I.

* * *

1. Arhiv Informacionnogo centra Upravlenija MVD Rossii po Astrahanskoj oblasti (AIC UMVD AO). F. 21. Op. 2. D. 13.

2. AIC UMVD AO. F. 58. Op. 1. D. 1.

3. Fedin S.A. Operativno-chekistskaja rabota v agerjah voennoplennyh: vyjavlenie nacistskih prestupnikov (po materialam astrahanskih arhivov) // Tragedija plena v mirovyh vojnah: politiko-pravovye, social'no-jekonomicheskie, kul'turno-kommunikacionnye aspekty (na materialah Astrahanskogo regiona): sb. st. i dokumentov. Astrahan', 2015. Ch. I.

Control over the political sentiments of prisoners of war (based on the materials of camp № 204 for prisoners of war at the Ministry of Internal Affairs of the Astrakhan region)

Based onthe operational reports and the correspondence stored in the archives, the article presents the analysis of political sentiments of prisoners of war. It considers the way the political sentiments of prisoners of war werecontrolledby means of the secret service work and censorship of correspondence.

Key words: *World War II, war prisoner camp, political control, secret service work, censorship of correspondence.*

(Статья поступила в редакцию 26.06.2018)

А.В. ЛИПАТОВ
(Волгоград)

ЭКСКУРСИЯ КАК ФОРМА ДОСУГА НАСЕЛЕНИЯ В 1953–1964 гг.: НА МАТЕРИАЛАХ СТАЛИНГРАДСКОЙ (ВОЛГОГРАДСКОЙ) ОБЛАСТИ

На основе анализа архивного материала и данных периодической печати рассматриваются экскурсионная деятельность как форма культурно-массового досуга населения и факторы ее развития в области. Выявлены наиболее популярные формы и направления экскурсий для сталинградцев-волгоградцев и гостей города и области. Обобщение документального материала позволило охарактеризовать состояние, содержание и проблемы в организации экскурсионного дела.

Ключевые слова: *Сталинград, Волгоград, хрущевская оттепель, советская культура, досуг населения, экскурсия, учреждения культуры, музей, история досуга, Мамаев курган, музей обороны Царицына, Волгоградский областной краеведческий музей.*

Изучение социокультурных основ существования человека и функционирования общественных институтов, роли и места властных структур в конструкции советского образа жизни, сущности и специфики досуга и трудностей в его организации и проведении с каждым годом все заметнее возрастает в современной российской исторической науке в рамках междисциплинарных исследований Е.М. Клюско [5], Н.Б. Лебиной [6], И.Б. Орлова [9], М.Н. Федченко [21] и др. Актуализация проблем досуга на разных этапах существования СССР, определение наиболее востребованных форм его осуществления и анализ увлечений и интересов советских людей остается одной из магистральных тем в научных изысканиях историков, социологов, культурологов и др. исследователей.

Период хрущевской оттепели отличается в социальной истории советского государства крупными социокультурными изменениями в жизни людей: от повышения материального положения, технологизации бытовой сферы и получения собственного жилья в новых «хрущевках» до сокращения рабочего времени и смягчения норм трудового законодательства после Великой Отечественной войны. Эти изменения на фоне десталинизации и духовного раскрепощения советского общества напрямую отразились на увеличении объема свободного времени у советских людей, а также на формах, средствах свободного времяпрепровождения. При этом расширение сети образовательных и социально-культурных учреждений в рамках выполнения народнохозяйственных планов после XX съезда КПСС изменили условия и характер досуговых практик в советском обществе. Так, расширение сети городских и сельских учреждений образования и культуры позволило больше вовлекать в общественно-политическую и культурно-массовую деятельность широкие слои населения, повышать культурно-образовательный уровень школьников и рабочей молодежи, проводить эстетическое воспитание через работу художественных секций и кружков.

Важное место в повседневной культуре советского человека всегда занимали такие традиционные формы досуга населения, как чтение литературы, участие в читательских конференциях, прослушивание грампластинок, посещение концертно-зрелищных мероприятий, вошедшие в практику людей еще с конца 1920-х – начала 1930-х гг. Однако в период хрущевской оттепели досуг был направлен не только на восстановление физических сил, посещение библиотек, театра и кино или гостевое общение, но и на саморазвитие, на повышение личной самоорганизации. Свобод-

© Липатов А.В., 2018